

и моральную, и эстетическую, и даже бытийную, что сигнализирует об утрате стабильности общества и неверии в ее возможность в принципе.

Автор порицает подобные метаморфозы? А может, напротив, встречает с воодушевлением? О нет, Ребекка Арнольд отказывается от оценок. Ее цель — представить максимально полный обзор феноменов модного мира, сконструированного из определенных лейтмотивов. Книга сопровождается вклейками фотографий, поэтому почувствовать себя профаном в этом калейдоскопе брендов, стилей, фасонов и тканей едва ли удастся. Несмотря на то, что впервые исследование было опубликовано в 2001 году, его русскоязычный перевод вышел только 15 лет спустя — большой срок для непостоянной фэшн-индустрии. За этот период появились новые тенденции и новые имена, пластическая хирургия и прочие бодимодификации перекочевали из андеграунда в мейнстрим, а феминизм, кажется, сменяется тоской по образу «чистой женственности». Но идея, заложенная в основу книги, все-таки бессмертна: мода — это искусство. Искусство красиво менять маски и балансировать на грани запрещенного и дозволенного, искусство трикстерства, дерзкое и непримиримо элитарное, находящееся за гранью добра и зла. Считаете интенцию неоправданно восторженной? Исследование Арнольд переубедит вас, будьте уверены.

Анастасия КОВРИЖКИНА

КНИЖНЫЙ ОСТРОВ

Петербургская проза. Сборник рассказов молодых литераторов. СПб.: НППЛ «Родные просторы», 2016. – 248 с.; ил.

В книгу включены произведения восемнадцати молодых прозаиков Санкт-Петербурга. Это издание – продолжение вышедших в 2013–2015 годах сборников «Петербургская проза». Как и раньше, в ней представлены авторы самых разных направлений и тем, дебютанты и уже публиковавшиеся на страницах предыдущих сборников или в других печатных изданиях. Конечно, у авторов рознится уровень мастерства, кому-то еще следует работать над стилистикой, кто-то предлагает тексты вполне безупречные, композиционно выстроенные, умело завершенные, со значащими посылами. Тематика повествований, рассказов в основном современная: любовные, семейные, служебные коллизии. Есть и обращение к истории: судьба юной девушки в блокадном Ленинграде, тема, волнующая и новую генерацию писателей (Людмила Лапина, повесть «Солнцеворот»). Интересно и разнообразно разрабатывается писателями тема детства. Маленький мальчик, на пару дней оставленный родителями с дедом в деревне, и первое жизненное испытание ребенка: неожиданная смерть деда (Ирина Замотина, «Пустой дом»). Ностальгические воспоминания о детстве в провинциальном поселке, о жизни в аварийном доме, где с потолка сыплется штукатурка, но зато на улице много друзей. «Советская была не просто улицей на краю поселка, а настоящей детской республикой со своими законами и предпочтениями. ...Улица советская перестала существовать, как и страна, в которой я родилась» (Александра Русанова, «Советская»). Короткий рассказ Алексея Палия («Из снега»): папа и маленький сын лепят снегови-

ка, идиллия («Мы с папой родили человека») обрывается непродолжительным телефонным разговором разведенных родителей и последовавшей острой вспышкой злости отца, неожиданной для ребенка и понятной читателю. Бесхитростные диалоги, близкое общение двух маленьких девочек, одна из которых – детдомовская, а у другой – любящие родители, дают много для детей значит семья и как страшно даже само слово «детдомовская» (Светлана Нилова, «Ася»). Впечатления детства оказывают влияние на всю дальнейшую жизнь. Как на героя рассказа Дмитрия Петрова «Этот странный парень» повлияла его детская дружба с художником-самоучкой, дворником при музыкальной школе провинциального уральского городка. Твердо усвоенный в детстве постулат о неизменной победе добра над злом побудил героя уже в зрелом возрасте прибегнуть к решительным и неординарным действиям, чтобы вернуть художнику право на авторство его же картин. Это первая публикация Д. Петрова, и начинающему писателю предстоит еще основательная работа со словом. Впечатления детства действительно могут повлиять на всю дальнейшую жизнь, как показывает в своем рассказе «Малиновое солнце» Ирина Замотина: слушать музыку, так, чтобы в сердце было закатное малиновое солнце, преуспевающего музыканта научила в детстве немая девочка. Молодые прозаики поднимают ультраактуальные темы. Суицид подростка, оказавшегося между двух огней: когда с одной стороны подруга, настаивающая, чтобы девочка пришла на репетицию в театральную мастерскую, с другой – мама, требующая, чтобы дочь готовилась к экзаменам в два вуза (Светлана Нилова, «Честное слово»). Трудный выбор, что важнее: рождение ребенка или материальное благополучие? (Светлана Нилова, «Две жены»). У Сергея Пилипенко в рассказе «Барон фон Дитмарк» игроман со стажем, бомж и наркоман «подсадил» на интернет-игры своего бывшего друга по детскому дому, преуспевающего врача-психиатра, забавный казус из жизни игроманов приобретает серьезное наполнение, оборачиваясь мстостью за предательство друзей, разбитую жизнь девушки из этого же детдома, за смерть рожденного ею ребенка. И, конечно, нельзя не отметить рассказ Ирины Замотиной «Паромщик», посвященный вечному русскому вопросу о смысле жизни. Вице-президент и директор по внешним связям крупнейшего предприятия проводят досуг на палубе престижного плавучего ресторана, наслаждаясь закатом, размышляя о желанном будущем. В России все уже есть, что можно, за границу не хочется. Вице-президент вспоминает, что в детстве он хотел быть паромщиком на переправе. «Вот чтобы по воде плавать и кораблем управлять. И чтобы нужным, как он, быть... Чтобы вставать утром на работу и понимать, что ты не сделаешь – никто не сделает...» – «Так купи себе яхту, и катайся... Покоритель морей и океанов хренов...» – «Не понимаешь ты. Хрен с ней, с яхтой-то. Не в ней суть. Я же нужным хотел быть, у меня мечта была, а потом куда-то делась, пропала...» У сборника есть одна особенность, отражающая петербургский стиль жизни: как правило, герои ведут себя сдержанно и благородно, даже если сталкиваются с изменами и предательством. И еще одна: это светлые рассказы об обыденной жизни человека, в которой все-таки главным является добро. Быть может, и прав петербургский писатель Дмитрий Каралис, через мастерскую которого прошли многие из авторов, сказавший об одном из сборников, что он «очень скоро станет раритетом, его будут искать, как ищут первую книгу Гоголя или ранние публикации Зощенко и Булгакова», и, быть может, такая же судьба ждет и эту книгу.

Евгения Басова. Подросток Ашим. Иллюстрации Кати Толстой. СПб.: ГРИФ, 2016. – 240 с. – (Последний звонок).

Времена меняются, подростковые проблемы неизменны: отношения со сверстниками, «отцы и дети» – от притяжения до неприятия и протеста, сложности самоутверждения, мучительная попытка ответить на вопрос: кто я, каково мое место в этом мире? Герои чебоксарской писательницы Евгении Басовой – ученики престижного физико-математического лицея, лучшего учебного заведения в провинциальном городке, подростки четырнадцати-пятнадцати лет. Новое время придает свои особенности старым как мир проблемам. Среди этих особенностей – и обострившееся социальное и имущественное неравенство, болезненно переживаемое детьми из малоимущих семей сосуществование в одном классе с «мажорами», богатыми «бура-тинчиками». «Ребята из какой-то другой жизни, в которой – хошь в Англию, хошь в Америку на каникулы, где никто не кричит на тебя из-за денег. Вообще никто никогда не кричит». Отсюда страх неуклюжего «гадкого утенка», классного шута Леши Михайлова с пренебрежительным прозвищем Хич, что одноклассники проведуют его тайну: мать торгует на рынке и пьет, «и дома у него надо переступить через баулы колготками и прочей женской ерундой. И главное, что мама по вечерам кричит и ногой пинает баулы: – Я сама ничего этого не вижу, я не могу себе позволить!» Это по ее настоянию сын, не имея никакой тяги к математике, попал в математический лицей («элитное образование!»). И будет у Леши попытка суицида. А лицейский вундеркинд, математический гений Миша Прокопьев (отец три года назад умер, кроме него – в семье еще трое маленьких детей), терзается сомнениями по ходу своего романа с одноклассницей из богатой семьи. «Сколько еще он сможет делать, чтобы она не узнала про его бедный дом, про единственную комнату, в которой надо передвигать стулья, чтобы пройти, и вечно разбросана чья-то одежда. А ночью в темноте слышно, как дышат спящие люди... Если она узнает, как он живет, она, должно быть, больше не захочет с ним и говорить». Ведь у ее родителей трехэтажный коттедж, парк, у нее собственная горка и даже – ледяная фигурка медведя. А каково это, испытывать чувство стыда за своих родителей? Но новое время, прежде всего, это новые возможности, что открываются благодаря Интернету и онлайн-общению. Сайт лицея, что по поручению учительницы сделал Миша, дал возможность раскрыться героям с новой для всех стороны, выступать под никами, анонимно, сбросить маски, стать самими собой, забыть страхи и комплексы. «А на форуме можно было разговаривать, как будто ты – это вовсе не ты, как будто тебя никто и не знает». В какой-то степени сайт способствовал и самореализации учеников: так, Леся Михайлов из аутсайдера превратился в интригующего одноклассников поэта и в первый раз смог говорить с кем-то, кому он был интересен, сам о себе. Виртуальные контакты, переписка в Интернете, попытки разгадать, кто скрывается за никами, внесли оживление в реальную жизнь класса, дали стимул к живому общению. Увлечение сайтом (вполне благопристойным) продолжалось полтора месяца, пока учителя не взяли его под контроль, заставив раскрыть ники. Герои Е. Басовой органично существуют в новой реальности, времени Интернета. Но делает ли онлайн-общение жизнь современных подростков легче? Снимает ли их извечные проблемы? Какое влияние оказывает на житейские коллизии? Может ли победить социальное расслоение, подростковые комплексы? Ответы можно найти по ходу повествования. Е. Басова умело строит сюжет, постепенно приоткрывая «тайны» сайта, семейные тайны Прокопьевых, перевернувшие представления подростка настолько, что из Миши он стал Ашимом, мальчиком на-

оборот. Четко обозначены конфликты: отцы и дети, учителя и их подопечные, подростковая среда. Родители, которые, желая добра детям, предлагают им свою модель мира. Учителя, действующие в трудных ситуациях по стереотипным схемам. Импульсивные подростки, способные и на гадкие, и на благородные поступки. Лаконично, но выпукло прописаны характеры. Но — и это, быть может, главное — Е. Басова видит в подрастающем поколении прежде всего доброе начало, способность самим понять, что достойно, а что нет. А еще — она дает возможность оценить, как много значит тепло родного, пусть и тесного дома, семья, умная мать, женщина, способная поддержать не только своих детей, но и протянуть руку помощи и другим нуждающимся в ней детям.

Кирилл Кобрин. Шерлок Холмс и рождение современности:

Деньги, девушки, денди Викторианской эпохи. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2015. — 184 с.: ил.

Литератор, историк и журналист Кирилл Кобрин, живущий в Лондоне, исследованием мира Шерлока Холмса, главного детектива всех времен и народов, занимался сорок лет. Его интересовала Викторианская эпоха: колониальные войны, политические интриги, банки, аферы, технический прогресс и социальная несправедливость, положение женщин, бытовая культура, пресса. Его интересовали все стороны жизни многонационального Лондона, а также социальный статус действующих лиц холмсианы, их этническое происхождение, доходы, политические взгляды. Он проштудировал тексты Конана Дойля, книги и сетевые ресурсы, посвященные как самому известному лондонскому детективу, так и Викторианской эпохе. Вошедшие в книгу эссе содержат тщательный историко-культурный анализ нескольких случаев из практики Шерлока Холмса. К. Кобрин проводит разбор второстепенных, тонко сотканных, почти незаметных сюжетов, которые скрываются за главными сюжетами популярных рассказов и повестей. Например, обращается к проблеме интерпретации исторического источника, попавшего в руки людей, уже не понимающих его смысла, живущих в эпоху иной мыслительной парадигмы, иного соотношения слов и вещей («Собака Баскервилей», «Обряд дома Месгрейвов»). В обоих случаях Шерлок Холмс ведет себя не только как передовой историк своего времени, но и во многом предвосхищает достижения историков первой половины следующего столетия. Для К. Кобрина этот сюжет не столько повод поговорить о достоинствах любимого сыщика. Но — и это главное — дать широкую картину состояния исторической науки в конце XIX века, когда и зарождались профессиональная историография и научная археология. А заодно и показать, как при переходе замена одного слова может исказить исторический контекст эпохи. Иной раз детали, пропускаемые обыкновенным читателем, дают возможность проникнуть в область высокой международной политики, понять истоки общеевропейского конфликта, приведшего к Первой мировой войне. Такую возможность открывает анализ содержимого шкатулки министра по европейским делам («Второе пятно»), где хранились аналитическая записка о серьезном экономическом конфликте двух великих европейских держав («Сведения о русско-германских хлебных налогах») и отчет о скандальных происшествиях в нестабильной и довольно опасной части континента («Меморандум из Белграда»). А беспокойство политических элит по поводу исчезновения опрометчивого письма иностранного монарха позволяет оценить рост роли общественного мнения: не будь его этого мнения, пропажа письма

не представляла бы особой угрозы, разобрались бы по-тихому. Погружаясь в исторический контекст повести «Знак четырех», К. Кобрин размышляет о британском имперском колониальном сознании того времени и его влиянии на социальную, экономическую и культурную жизнь Великобритании. Главным героем драмы, разыгравшейся вокруг сокровищ Агры, он считает викторианскую империю. «Поздний викторианизм, как он явлен нам в „Знаке четырех“, — есть триумф края, поверхностности, победа колонии над метрополией». Основная тема анализа рассказов «Союз рыжих» и «Человек с рассеченной губой» — роль праведных и неправедных денег в викторианском мире жестких сословных различий, устоявшихся ритуалов общественной и прочей жизни. «В последней трети XIX века был нанесен удар по, кажется, самой вопиющей гендерной несправедливости Нового времени — в том, что касается собственности, этого столпа буржуазного порядка», — пишет К. Кобрин. И снова деньги. Речь идет о том, что в 1882 году женщины получили право контроля над своей собственностью и право ей распоряжаться. Рассказы с социально-экономическим сюжетом с похожим гендерным подтекстом («Пестрая лента», «Установление личности», «Медные буки») иллюстрируют, как происходило восстание падчериц против отчимов, желающих сохранить ренту за собой. Холмсиана, считает автор, дает нам один из универсальных ключей к эпохе, которую на русском языке называют «историей Нового и Новейшего времени», а на английском *modernity*, *Modern Times*. Эпоха Шерлока Холмса закончилась с Первой мировой войной. На смену поединка одиночек («Его прощальный поклон» — джентльмены-немцы против джентльменов-британцев) с Первой мировой войной пришла другая действительность, когда нужны стали не граждане, не люди, а пушечное мясо. К 1917 году Конан Дойль это понял — и простился со своим героем в рассказе «Его прощальный поклон». Каждое из эссе не сводится к какой-либо одной теме, темы переплетаются, культурологические, исторические экскурсы открывают тайные механизмы прошлого и настоящего. И, оказывается, несмотря на все различия, мир Холмса и Ватсона во многом похож на наш.

Патрик Барбье. Венеция Вивальди. Музыка и праздники эпохи барокко.

Изд. 2-е, испр. Пер с фр. Е. Рабинович. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2016. — 328 с.

Сведений об Антонио Вивальди (1678–1741) сохранилось удивительно мало. А ведь при жизни мастера его концерты, опубликованные в Амстердаме, Лондоне, Париже, продавались, переиздавались, исполнялись по всей Европе. Но в рассказах современников он упоминается редко, дошло лишь тринадцать его писем. В XVIII — XIX веках имя его стало малоизвестно, и лишь в 20-х годах XX века итальянский музыковед обнаружил собрания рукописей композитора. Французский историк музыки Патрик Барбье по крупицам воссоздает жизнь великого венецианца: биография, характер, отношения с близкими людьми и великими современниками. И, конечно, много пишет о музыкальной деятельности, о произведениях Вивальди, скрипача-виртуоза, педагога, композитора, благодаря своей инструментальной музыке получившего всеевропейскую известность. У этой книги есть и еще один герой, быть может, главный: Венеция эпохи барокко, которая из мощнейшей торговой и купеческой державы в XVII веке превратилась в изысканный и пышный рай для почитателей музыки, любителей общественных развлечений и грандиозных праздников. В течение XVII века вся Европа ориентировалась на Венецию

благодаря славе ее оперных театров, а затем, в начале XVIII века, и грандиозному расцвету венецианской инструментальной музыки. Основная часть книги посвящена разным сферам музыкальной жизни Венеции: сиротские приюты, воспитанницы которых получали отличное музыкальное образование, духовная музыка и церковные праздники, музыка в церквах и монастырях, венецианская опера, музыкальная роскошь частных дворцов. В контекст повествования о главном герое, Венеции, вписывается и жизнь и творчество Вивальди. Почти двадцать лет он преподавал в приюте Богоматери Скорбящей, сочинял музыку для девочек, оратории, оттачивал блестящее мастерство автора концертов инструментальной музыки (девочки и пели, и играли на музыкальных инструментах). Русский путешественник Петр Толстой писал в 1698 году, что «в Венеции есть монастыри девические, в которых девицы... играют на органах и на розных инструментах и поют на хорах так изрядно, что на всем свете такова сладкого пения и согласия нигде не обретается». Вивальди писал и ставил оперы, получал заказы на музыку для религиозных и светских праздников. В Венеции времен Вивальди музыка звучала везде: во время церковных церемоний и праздников, в театрах, в благотворительных заведениях, на домашних концертах, на улицах. П. Барбье, реконструируя далекую эпоху, использует архивные документы, исторические исследования, письма венецианцев и их гостей, венецианские газеты той поры, записки путешественников. Увидеть Венецию тех лет, ее горожан, быт, праздники можно и глазами Жан-Жака Руссо, который служил во французском посольстве, и Гёте, и президента Дижонского парламента де Бросса, и английского музыковеда Берни. И даже Казановы. Картина получилась яркая, зрелищная. Пышные праздники и обряды, имевшие вековую традицию. Среди них один из красивейших: выборы нового дожа. Длющийся почти полгода (с некоторыми перерывами) карнавал, когда все без исключения обязаны были ходить всюду только в масках, карнавал как квинтэссенция венецианского духа, устремленного к вольным и радостным увеселениям и соблазнам и отодвигающего на задний план интерес к бунтам и политическим интригам. Невидимые и вездесущие шпионы республики, особенно бдящие, чтобы аристократы не нарушали запрет на встречи и разговоры с иностранными послами. Гондольеры, без которых не обходилась ни одна любовная связь, ни одна политическая интрига. И несмотря на повсеместный шпионаж, все они блюли клятву никогда не разглашать слова из поневоле услышанных разговоров между пассажирами, а если обнаруживалось, что кто-то из них все-таки донес о ночных похождениях какой-нибудь дамы ее мужу, товарищи по корпорации могли его утопить. Самое значительное и популярное явление эпохи барокко — венецианская опера: владельцы и импресарио, публика, знаменитые кастраты и певицы, декорации и постановки и впервые появившиеся залы с ложами и ярусами. Необыкновенные акустические эффекты в базилике Святого Марка, достигнутые благодаря особой организации пространства. Своеобразные обычаи и нравы аристократии и рядовых горожан. И общая страсть к музыке, охватывавшая все слои и звучащая повсюду. Венеция, пишет П. Барбье, впала в самую веселую и самую беспечную из предсмертных агоний, в грандиозный «пир во время чумы»: экономические устои в глубоком кризисе, вся политическая и социальная структура вот-вот развалится, а жизнь в республике — непреходящий праздник, культура и искусство на невиданном подъеме. В 1797 году всё оборвалось: венецианский дож отрекся от власти, в республику вошли наполеоновские войска, в истории Венеции начался новый, не праздничный этап. Карнавалы, как и многие другие традиции, прекратили свое существование на 183 года. Лишь в 1980 году итальянцы спохватились и карнавальную традицию извлекли из пыльного забвения. Вернулась и историческая память о славе Ве-

неции в эпоху барокко как первого в истории центра европейского (а может, и мирового) массового туризма и о роли, которую в умножении этой славы сыграли и великие музыканты Венеции: один из крупнейших представителей итальянского скрипичного искусства XVIII века Вивальди, его современники (и соперники) Порпора, Поллароло, Лотти, Гассе, Броски.

Ги Меттан. Запад—Россия: тысячелетняя война. Пер. М. Аннинская, С. Булгакова. М.: Паулсен, 2016. — 464 с.

Русофобия существует. И это не наша выдумка, а свидетельство известного швейцарского журналиста и общественного деятеля Ги Меттана. Двойные стандарты, предвзятые антирусские настроения, русофобская истерия западных правительств и СМИ, ложные обвинения России в экспансионизме — это звучит не с наших экранов и газетных страниц, а от человека с «той стороны». Как и констатация факта, что фраза «во всем виновата Россия» стала излюбленным клише авторов передовиц, экспертов, политиков и университетских исследователей в Европе и Америке, и она идет в ход для объяснения малейших проблем, возникающих на нашем континенте. Будь то авиакатастрофа над Юберлингеном, захват заложников в Беслане, военный конфликт в Южной Осетии и, конечно, Украина. Ги Меттан подробно пишет, как выглядит русофобия сегодня. Он задает неудобные вопросы, которые не принято задавать на Западе. Его ответы, как правило, совпадают с нашей точкой зрения. «Но если подсчитать за последнюю четверть века, сколько невинных жертв замучено в застенках Гуантанамо и сколько мирных жителей перебито в Сомали, Афганистане, Ираке, Ливии и Сирии из-за неточной наводки беспилотных самолетов-истребителей — разве эти цифры с лихвой не перекроют все злодеяния, которые русские могли учинить в Грозном? Почему мы молчим как рыбы, когда речь идет о вышеперечисленных жертвах, и бьем в набат, когда речь идет о России? Какая нам польза от вооруженного вмешательства и оккупации Ливии, Афганистана, Ирака, Центрально-Африканской Республики, Мали? Ведь хаоса и несчастий от этого только больше. „Освобожденные“ народы, они что, обрели долгожданный мир? Почему-то про это никогда не пишут, зато обвиняют Путина в том, что он поддерживает повстанцев Донбасса... Еще можно было бы поинтересоваться, почему западная пресса и НПО столь трепетно следят за судьбой крымских татар, но нимало не интересуются участью другого притесняемого меньшинства — русскоязычной диаспоры Латвии и Эстонии». Ги Меттан пишет о том, что западные СМИ — из-за страха журналистов потерять работу, задеть рекламодателей, лишиться поддержки государственных структур — отказались высказывать мнения, противоречащие официальной версии, и на потребу хозяевам активно создают миф о страшном русском медведе, демонизируют в глазах мировой общественности «злобного» Путина. О методах нынешней русофобии рассказано в третьей части книги: лексика, риторика, грамматика, семантические ухищрения, мифотворчество, отбор и подтасовка фактов, искажение реальности. В своей книге «Запад—Россия: тысячелетняя война. Русофобия от Карла Великого до украинского кризиса» он дает и ответ на вопрос «Почему мы (европейцы) так любим ненавидеть Россию». Истоки противостояния Запада и Востока автор отсчитывает с эпохи Карла Великого, разорвавшего отношения с Византией, и от дальнейшего раскола христианской церкви на две части: католической с центром в Риме и православной с центром в Константинополе (1054 год). За тысячелетие произошла великая ми-

стификация. Папа и высшие католические сановники уничтожили одни документы и перекроили другие, чтобы обелить ответственный за раскол Запад и возложить ответственность за него на Византию. В течение многих веков западные богословы прибегали к всевозможным уловкам из области риторики и семантики, чтобы дискредитировать Византию (рефлекторная реакция воинственного и бедного варвара на богатого цивилизованного человека). Сами термины «Византия» и «Византийская империя» появились лишь в XVI веке как уничижительные для жителей Востока. Но именно Восточная Римская империя со столицей в Константинополе являлась светочем вселенной: в то время как Рим и Ахен, Париж и Лондон были всего лишь небольшими городишками, в Константинополе велись оживленные интеллектуальные споры, трудились ученые и богословы, процветали искусства. (Это эмигранты-интеллектуалы из разгромленного крестоносцами в 1204 году Константинополя стояли у истоков итальянского Ренессанса.) Это на Востоке была демократия: представители Восточных церквей признавали законным только решение, обсужденное в соответствии с принципами демократии и подсказанное Святым Духом во время Вселенского собора, объединявшего все христианские церкви. Не удивителен и выбор князя Владимира в пользу византийского обряда: Константинополь был ближе в культурном отношении, все еще обладал большим влиянием и сулил большие торговые выгоды. После падения Константинополя в 1453 году «крепость» православия переместилась в Третий Рим, в Москву, и противником и конкурентом Священной Римской империи стала не Византия, а Россия, что вылилось в войны Запада против России, растянувшиеся на тысячу лет. Меттан прослеживает историю русофобии у разных европейских народов на протяжении тринадцати веков (у китайцев, японцев русофобии не отмечалось): русофобии французской, английской, немецкой, американской – философские учения, либерально-демократические теории, геополитические устремления. Длительное с XI века религиозное противостояние, считает Меттан, не утратило своей актуальности и сегодня, хотя старые обвинения облечены в другие слова и сопровождаются новыми аргументами. И снова «хороший и благородный» Запад переписывает историю, чтобы очернить (как когда-то Византию) Россию: перекладывается ответственность за начало войны на СССР (Россию); принижается роль советского народа в победе над фашизмом; сопоставляются нацизм и русский коммунизм; приписываются русским все преступления коммунизма, а прочие народы предстают несчастными и безвинными жертвами. Так чем же неужто Западу Россия? Отчаянным – на протяжении веков – стремлением к независимости и равному статусу с другими государствами? Или она мешает тому идеализированному представлению, что Запад имеет о себе самом? Или просто она – другая, другая в отношении к собственности, к государству, в понимании свободы и демократии? Лишенная всякого академизма и наукообразия книга Ги Меттана – это попытка преодолеть пропасть непонимания, по обе стороны которой оказались Россия и западные страны, попытка убедить читателей, что необязательно ненавидеть Россию, чтобы вести с ней диалог.

Алексей Шляхторов. Как Золотая Орда озолотила Русь. Мифы и правда о «татаро-монгольском иге». М.: Яуза: Эксмо, 2016. 320 с. – (Небо славян. 100 веков русской истории).

Исследование челябинского историка Алексея Шляхторова противоречит устоявшейся концепции о Батыевом погроме и последовавшей за ним эпохе XIII–XV ве-

ков как эпохе «постыдного рабства» на Руси, ее национального унижения и гнета. Нет, нашествие Батые, конечно, было. А вот полную «Погибель Русской Земли» исторические факты, правильно переведенные первоисточники, последние научные изыскания и данные археологии опровергают. У автора веская система доводов. За 250 лет «ига» население Руси выросло в два раза с 2,5 миллионов человек до 5 миллионов, и это несмотря на страшные пандемии чумы XIV века. Уже в 70-х годов XIII века начался рост экономики. Наступила «эпоха городов». Динамично развивались Тверь, Москва, Нижний Новгород, Коломна, Переяславль-Рязанский, Львов, Москва, их пригороды. Строятся каменные церкви и крепостные стены (Псков, Холм, Копорье, Луцк, Новгород). В XIV веке — расцвет архитектуры, работают Андрей Рублёв и Феофан Грек. «Но ведь для культурного подъема нужно не только состояние души, но и хорошие ДЕНЬГИ, — задается вопросом автор, — а как совместить понятие „хорошие деньги“ с понятием „иноземное иго“»? И какое же это «иго», если не только Новгородская республика, но и вся Русь жила по законам Ярослава, вела свою независимую внешнюю политику. Орда почти не вмешивалась во внутренние дела и считалась с мнением веч (вечами Суздаль, Ростова, Владимира, Устюга Великого было санкционировано изгнание баскаков в 1262 году, и Орда приняла это). Ярлыки русским князьям выдавались в соответствии с русским наследственным правом, а история гибели четырех тверских князей при Узбек-хане — следствие лютой схватки за первенство главных претендентов на русский престол, Москвы и Твери. Дань? В книге приводятся сведения о размере и тяжести, способах выплаты дани, которую платили вассальные страны: Англия, Грузия, Армения, Валахия, Молдова. На протяжении всего времени «ига» на их фоне дань Руси, согласно педантичному авторскому анализу, была символической: такую дань не платят угнетенные народы. В отношениях Орды и Руси главным была не дань, а транзитная торговля, Великий Волжский торговый путь, связавший Восток с Западом. «Лесовики» контролировали и берегли «верхний путь»: Неву, водоразделы, Нижний Новгород, степняки — «нижний» — до Каспия и Хорезма. Явная и обоюдная коммерческая выгода — совместное использование Волжского пути — работала надежнее любых политических договоров. В книге подробно рассказано, как функционировал этот путь, важный для западных стран и стран Востока: Индии, Афганистана, Ирана, Монголии, Китая, какие товары шли по нему. Именно торговля между Востоком и странами Северной и Северо-Западной Европы через Северную Русь обогащала Русь. Автор проводит параллели с нашим днем, предлагая восстановить «Великий шелковый путь» в новом измерении. Еще одна историческая параллель: после IV Крестового похода 1204 года и разгрома Константинополя Ватикан ввел жесткие запреты на торговлю с Русью, на ввоз корабельных снастей и породистых лошадей католическими купцами, золота и серебра в слитках, оружия. Ганза эти «санкции» игнорировала. Из всех ганзейских контор самая крупная вне Ганзы находилась в Новгороде, и в ней самую высокую долю составляли молодые купцы (от 200 до 500 юнцов), к тому же изучавшие русский язык. Торговая идиллия закончилась, когда по Орде прокатилась чума, а затем последовало нашествие Тамерлана, — система торговых и иных связей была разрушена. Труд А. Шляхторова опровергает многие злокозненные мифы. Например, о том, что Александр Невский проводил соглашательскую политику по отношению к монголам. В условиях гибели Константинополя и крестовых походов на Русь, открытой враждебности Ватикана Батый как союзник был надежней, чем латиняне, разграбившие Константинополь и лезущие на восток. Разрушен миф о том, что Золотая Орда — это степь, юрты да стольный город Сарай: Золотая Орда после улуса Великого хана была крупнейшим государством XIII—XIV веков с десятками городов. Развеем миф

и об изоляции Руси, укрывшейся и предававшейся дрязгам в лесной глуши. Ордынские города населяли половцы, болгары, русские, греки, армяне, аланы, гунуэзцы и венецианцы. Наезжали купцы и путешественники из Индии и Северной Африки, Китая. Новгород переполняли «гости» шведские, немецкие, датские. Контакты были неизбежны. Во времена Орды, где муж мог быть мусульманином, жена христианкой, а ребенок и вообще третьей веры, и корни нашей веротерпимости. Внушительно и многопланово выглядит и роль православной церкви. Богатая двухвековая история с ее коллизиями, конфликтами, многочисленными участниками всех национальностей и земель обрастает яркими деталями. Нет только «ига». Откуда ж взялся миф об иге, миф, вредоносный для многонациональной, многоконфессиональной страны? Ведь наши далекие предки не знали, что они живут под игом, упоминаний об этом нет в летописях. Впервые термин «иго» употребил польский хронист Ян Длугош в 1479 году, в 1517 году термин подхватил его земляк. С польской стороны это носило политический подтекст: вассал Орды не вправе был претендовать на оказавшиеся под властью Польши Киев, Полоцк и Волынь. В XVIII веке этот термин использовал А. Шлёцер. И Карамзин в предисловии к своей «Истории...» сообщает, что автором теории монгольского ига является не он, а муж ученый и славный, Август фон Шлёцер, который установил, что «Россия от времен Батыя и до Иоанна III... ДОЛЖНА быть названа угнетенною». А. Шляхторов выступает против необъективных представлений о себе и своем прошлом и настоящем. Действительно, рабы ли мы, если в расцвет «ига» грозой Золотой Орды был новгородский ушкуй, что ходил по Волге до Астрахани и разорял ордынские города?

Публикация подготовлена
Еленой ЗИНОВЬЕВОЙ

Редакция благодарит за предоставленные книги
Книжную Лавку Писателей
(Санкт-Петербург, Невский пр., 66,
т. (812) 640-44-06 www.lavkapisateley.spb.ru)